РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

КНИГА XII.

МОСКВА
1884.

Редакція и главная контора журнала: Леонтьевскій пер., 21.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЫ:

Въ Москвѣ—при конт. Н. Н. Печковской, Петровскія торговыя линіи, и при книжн. магазинѣ А. А. Карцева, Фуркасовскій пер., д. Обидиной.

Въ С.-Петербургѣ—при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЗЕМСКАГО ВРАЧА.

I.

Сегодня былъ мой первый дебютъ на врачебномъ поприщѣ, почти тотчасъ по пріѣздѣ на мѣсто моей земской службы. Не безъ волненія ждала я этого знаменательнаго дня; мысль о томъ, какъ я буду жить и дѣйствовать «практически» среди необычайной и чуждой для меня обстановки, не покидала меня ни тогда, когда я, вскорѣ по окончаніи медицинскаго курса, хлопотала о полученіи мѣста, ни тогда, когда его получила и когда, наконецъ, уже ѣхала на мѣсто службѣ.

Уроженка и жительница провинціальнаго городка, я составила себѣ понятіе о деревнѣ лишь на основаніи однихъ книжныхъ описаній. Впрочемъ, меня всегда какъ-то тянуло въ деревню, и въ дѣтствѣ съ именемъ деревни въ воображеніи моемъ всегда связывалось представленіе о широкой, извилистой рѣкѣ съ крутыми берегами и зеленомъ лѣсѣ съ его таинственнымъ шепотомъ листьевъ. Вообще, въ воображеніи моемъ рисовались приволье и просторъ, вѣроятно, по контрасту съ нашимъ пыльнымъ и грязнымъ городомъ, расположеннымъ въ степной полосѣ Россіи.

Въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, деревня начала меня манить и другими своими сторонами, бытовыми. Деревенская жизнь съ свойственными ей радостями и заботами, а, главное, коренной представитель деревни, крестьянинъ,—вотъ что интересовало, влекло меня къ себѣ. Желаніе поближе познакомиться съ неизвѣстной мнѣ жизнью, желаніе своими глазами посмотрѣть на обстановку деревенскаго люда было одной изъ главныхъ побудительныхъ причинъ

при избраніи мною медицинской профессіи. Рѣшившись сдѣлаться врачемъ, я надѣялась, не безъ основанія, что, благодаря моей спеціальности, буду имѣть постоянныя сношенія съ крестьянами, получу возможность посѣщать ихъ на дому, наблюдать ихъ домашній бытъ и обстановку. Такимъ образомъ, вопросъ о выборѣ моего будущаго общественнаго занятія былъ предрѣшенъ мною еще за долго до окончанія гимназіи, и хотя моя будущая медицинская дѣятельность рисовалась мнѣ въ неясныхъ и смутныхъ образахъ, но она вполнѣ соотвѣтствовала моимъ тогдашнимъ стремленіямъ и понятіямъ объ обязанностяхъ по отношенію къ обществу и, въ особенности, къ мужику. Я твердо рѣшилась работать въ этомъ направленіи.

Матеріальное мое положеніе было далеко не блестящее, и я не могла надѣяться собственными средствами поддерживать себя всѣ годы долгаго ученія. Къ счастью, мои планы не встрѣтили противодѣйствія въ средѣ моей семьи, какъ это было со многими другими молодыми дѣвушками. Когда-нибудь, въ другой разъ, я опишу свои годы ученія, но теперь возвращусь къ своему разсказу.

Пріѣхавши поздно вечеромъ въ городъ N., я на другое утро отправилась въ земскую управу, чтобы повидаться съ предсѣдателемъ и получить болѣе подробныя свѣдѣнія о назначенномъ мнѣ мѣстѣ (до сихъ поръ переговоры велись письменно). Въ управѣ я узнала, что предсѣдателя нѣтъ въ городѣ и что онъ будетъ только на слѣдующій день, а безъ него ничего неизвѣстно. Я послѣ уже узнала, что члены въ управу ходили весьма лѣниво и всѣ дѣла велись почти исключительно однимъ только предсѣдателемъ. Перспектива просидѣть цѣлые сутки въ незнакомомъ мнѣ городѣ не представляла для меня никакого удовольствія, тѣмъ болѣе, что городъ былъ маленькій, незначительный. Хозяйка постоялаго двора, гдѣ я остановилась, сказала мнѣ, что не подалеку, около рѣки, есть садъ, и я отправилась туда, захвативъ съ собою какую-то французскую книгу, которую я взяла для чтенія въ вагонѣ; тамъ я просидѣла до вечера. Наконецъ, на другой день я увидѣлась съ предсѣдателемъ, который предоставилъ мнѣ на выборъ два участка въ томъ же уѣздѣ. Одинъ изъ этихъ участковъ находился въ мѣстечкѣ, населенномъ мѣщанами и купцами, имѣлъ пріемный покой и одинъ выѣздной пунктъ; второй пунктъ приходилось еще устроивать. Другой участокъ имѣлъ больницу и три выѣздныхъ

пункта, весьма далеко отстоящихъ другъ отъ друга. Хотя, по словамъ предсѣдателя, послѣднiй участокъ требовалъ несравненно больше труда и времени, я, тѣмъ не менѣе, послѣ нѣкотораго раздумья согласилась принять именно его, во-первыхъ, потому, что тутъ имѣлась больница, куда я могла помѣщать больныхъ и слѣдить за ходомъ болѣзни; во-вторыхъ, во-вторыхъ... сказать ли? Можетъ быть, такой мотивъ многимъ покажется смѣшнымъ, но, все-таки, я рѣшаюсь высказать его. Судя по описанiю предсѣдателя, мѣстность, гдѣ былъ расположенъ второй участокъ, была весьма живописная: гористая, со множествомъ озеръ и густыми лѣсами. Послѣдствiя вполнѣ оправдали мое нежеланiе поселиться въ первомъ участкѣ, гдѣ преобладали мѣщане и купцы.

Между прочимъ, предсѣдатель сообщилъ мнѣ, что въ мои обязанности входитъ также и завѣдыванiе хозяйственной частью въ моемъ участкѣ, какъ-то: закупка дровъ и провизiи для больницы, наемъ прислуги и помѣщенiя подъ выѣздные пункты, разныя починки и передѣлки, однимъ словомъ, все, что имѣетъ какое-нибудь отношенiе къ медицинскому пункту. Это условiе меня чрезвычайно смутило, неожиданно осложнивъ мои врачебные обязанности. Дѣло въ томъ, что я въ хозяйственной практикѣ, какъ въ обширной, такъ и въ ограниченной, семейной, ровно ничего не смыслила. Вплоть до окончанiя гимназiи я жила въ семьѣ, почти не принимая никакого участiя въ хозяйственныхъ заботахъ. Студенческая жизнь и подавно не прiучаетъ къ нимъ. А тутъ вдругъ приходилось брать на себя хозяйственныя заботы самаго разнообразнаго свойства. Впослѣдствiи я, однако, убѣдилась, что дѣло это вовсе не такъ страшно и трудно, какъ мнѣ показалось, и я, желая соблюсти земскiе интересы и дѣлать, по возможности, хорошо и дешево, каждый разъ предварительно совѣтовалась съ людьми опытными и знающими. Кромѣ того, ближе познакомившись съ земскими распорядками, я увидѣла, что система предоставленiя врачу веденiя хозяйственной части весьма цѣлесообразна, несмотря на всѣ непрiятности и затрудненiя, связанныя съ такою обязанностью.

Врачъ, живя постоянно въ своемъ участкѣ и вникая въ его нужды, лучше и, главное, скорѣе можетъ самъ удовлетворить возникающiя потребности, не прибѣгая каждый разъ къ содѣйствiю земской управы и не заводя безконечной переписки о всякой мелочи. Положимъ, нужно сдѣлать запасъ дровъ и муки

или починить дымящую печь. Пока врачъ напишетъ отношеніе въ управу, пока послѣдняя соберется послать члена для провѣрки требованія врача и сдѣлаетъ необходимыя распоряженія, пройдетъ мѣсяца два, а до тѣхъ поръ выйдутъ послѣдніе остатки дровъ и муки, а дымъ изъ печки все будетъ разъѣдать глаза. Или, напр., нужно нанять помѣщеніе подъ выѣздной пунктъ. Кто лучше врача можетъ сообразить, въ какой мѣстности слѣдуетъ его устроить, гдѣ онъ наиболѣе удовлетворитъ потребностямъ населенія, какія именно условія требуются для его устройства? Никакъ не члены управы, а тѣмъ менѣе земское собраніе можетъ быть компетентнымъ судьею въ данномъ вопросѣ. Однако, повторяю, къ такому мнѣнію пришла я лишь спустя нѣкоторое время и присмотрѣвшись къ условіямъ земской службы. И хотя лично для себя я была бы и въ настоящее время несказанно рада, если бы съ меня сняли эту лишнюю обузу, но ради дѣла я считаю себя нравственно обязанной отстаивать пользу подобной системы.

Поладивъ съ предсѣдателемъ и справивъ всѣ необходимыя дѣла въ городѣ, я отправилась къ мѣсту своего назначенія.

II.

Ямщикъ подвезъ меня прямо къ больницѣ, откуда уже вмѣстѣ съ фельдшерицей я отправилась въ отведенное мнѣ помѣщеніе. Оно стояло совершенно особнякомъ, довольно далеко отъ больницы и деревни. Надо замѣтить, что этотъ медицинскій участокъ былъ устроенъ не въ селѣ, какъ я ожидала, а въ помѣщичьей усадьбѣ, отдѣльныя постройки которой были расположены вдоль озера на значительномъ разстояніи другъ отъ друга. Собственно моя квартира состояла изъ трехъ комнатъ, что для меня было совершенно достаточно, но видъ этихъ пустыхъ и холодныхъ комнатъ произвелъ на меня какое-то непріятное впечатлѣніе.

Мнѣ предстояло рѣшить задачу, какъ устроить свой образъ жизни. Всего желательнѣе мнѣ было бы, конечно, пристроиться гдѣ-нибудь въ нахлѣбники, но на лицо не оказалось ни одного семейства, гдѣ можно было бы получить сколько-нибудь сносный обѣдъ, и волей-неволей приходилось обзаводиться собственнымъ хозяйствомъ и закупать всѣ необходимыя для этого принадлежности. Насчетъ прислуги я условилась съ одной женщиной, жившей тутъ же въ усадьбѣ. Она приходила ко мнѣ убирать ком-

наты и готовить обѣдъ, а на ночь уходила къ себѣ домой, такъ что я оставалась одна въ своей квартирѣ. Удивляюсь, какъ никому не пришло въ голову забраться ко мнѣ въ квартиру съ цѣлью воровства! А сдѣлать это было весьма и весьма легко: домъ былъ старый, запоры плохіе, а окна такъ слабо притворялись, что достаточно было самаго незначительнаго усилія, чтобы раскрыть какое-либо изъ нихъ и безъ шума забраться въ домъ. Я очень часто на нѣсколько дней уѣзжала изъ дома и тогда квартира оставалась уже совершенно пустой. Между тѣмъ, нельзя сказать, чтобы кражъ не случалось. Бывало, слышишь, что къ тому или другому воры забрались и утащили что-нибудь, бо̀льшею частью, изъ съѣстныхъ припасовъ. Даже въ больницѣ нашей были два случая воровства, несмотря на то, что тамъ всегда было много народу.

Поладивъ кое-какъ съ вопросомъ о своемъ обзаведеніи, я пошла обозрѣвать больницу. Зданіе довольно большое, передѣланное изъ какой-то прежде бывшей господской постройки, такъ что зимой особенной теплотой въ комнатахъ нельзя было похвалиться. Оно раздѣлялась на мужскую и женскую половины. Можно было бы помѣстить болѣе 20 больныхъ, но оно приспособлено было для гораздо меньшаго числа. Инвентарь оказался въ самомъ жалкомъ состояніи: бѣлья слишкомъ мало, перевязочнаго матеріала почти совсѣмъ нѣтъ, инструменты, бо̀льшею частью, тупые, испорченные, не достаетъ самыхъ необходимыхъ вещей и приспособленій. Вотъ она настоящая земская дѣйствительность! Въ клиникѣ мы видѣли, что все дѣлалось на основаніи правилъ послѣдняго слова науки, примѣнялись богатые препараты и новѣйшія изобрѣтенія по разнымъ отраслямъ медицинскихъ наукъ, а тутъ что имѣешь передъ своими глазами? Здѣсь нужно научиться дѣлать все изъ ничего, употреблять самый элементарный матеріалъ и отказаться отъ всѣхъ сложныхъ манипуляцій; главное, чтобъ все дѣлалось просто и быстро. Въ клиникѣ мы разбирали цѣлый часъ одного больнаго, а здѣсь въ часъ нужно осмотрѣть 10—15 человѣкъ, а не то многіе больные рискуютъ остаться безъ совѣта врача, что можетъ послужить причиной крайняго неудовольствія.

Дни въ моемъ участкѣ распредѣлены были такъ, что одни назначались для пріема больныхъ въ больницѣ или для осмотра больныхъ на дому, другіе же для посѣщенія выѣздныхъ пунк-

товъ. Вотъ въ одинъ изъ такихъ пунктовъ я и отправилась немедленно по пріѣздѣ на мѣсто своей службы.

Проѣхавши верстъ двадцать пять, ямщикъ подвезъ меня къ простой крестьянской избѣ, гдѣ помѣщалась пріемная комната съ аптечкой. Здѣсь обстановка была несравненно мизернѣе и бѣднѣе, чѣмъ въ главномъ пунктѣ, гдѣ помѣщалась больница. Небольшая крестьянская изба состояла изъ двухъ половинъ, изъ которыхъ въ одной жила сама хозяйка крестьянка, а другая раздѣлена перегородкой на двѣ части, совсѣмъ крошечныя. Въ такомъ небольшомъ пространствѣ должны были помѣщаться 80—90 человѣкъ больныхъ, а иногда и еще больше. Тѣснота и давка бываютъ всегда невообразимыя: каждый старается пробраться первымъ къ дверямъ пріемной комнаты, чтобы быть скорѣе отпущеннымъ. Безпрестанно поднимается перебранка, кому какая очередь и кто прежде пришелъ. Мнѣ стоило не мало усилій добиться того, чтобы отпускать сначала дѣтей и болѣе слабыхъ больныхъ, но мало-по-малу они, казалось, привыкли къ такому порядку и безъ ропота пропускали впередъ того или другого больнаго, коль скоро это былъ трудно больной или кто-либо съ ребенкомъ. Впрочемъ, впослѣдствіи я нашла болѣе просторное и лучшее помѣщеніе.

Едва я успѣла соскочить съ телѣги, какъ меня подхватили подъ руки, ввели въ избу и посадили на стулъ. Вслѣдъ за мной хлынула толпа ожидавшихъ больныхъ и обступила меня со всѣхъ сторонъ. Увидѣвъ сразу такое большое количество больныхъ, жаждавшихъ получить отъ меня изцѣленіе или, по крайней мѣрѣ, облегченіе своихъ страданій, я пришла въ ужасъ. Было болѣе пятидесяти человѣкъ,—число, казавшееся мнѣ огромнымъ, но, по словамъ фельдшера, это было не много сравнительно съ тѣмъ, сколько бываетъ обыкновенно. Мнѣ казалось, что я, какъ новичокъ, явившійся сюда прямо со школьной скамейки, едва ли съумѣю справиться съ такою массою больныхъ. Скрѣпя сердце, я приступила къ ихъ осмотру, предварительно распорядившись, чтобы всѣ больные ходили ко мнѣ по одиночкѣ, для удобства, потому что съ глазу на глазъ и больной менѣе стѣсняется изложить свою болѣзнь, да и врачу легче осмотрѣть и выслушать его. Мало-по-малу я, однако, успокоивалась, такъ какъ по мѣрѣ того, какъ я отпускала одного больнаго за другимъ, дѣло оказывалось вовсе не такимъ труднымъ, какъ оно представлялось въ первый моментъ. Дѣло въ томъ, что однообразіе въ болѣз-

няхъ поразительное и, притомъ, все болѣе хроническія, заста-
рѣлыя формы. Такъ, нѣсколько человѣкъ подрядъ жаловались на
головную боль, потомъ цѣлый рядъ страдающихъ ломотой въ
ногахъ или рукахъ, или опять нѣсколько человѣкъ больныхъ
однородною болѣзнью. Конечно, это было случайное совпаденіе,
что нѣсколько человѣкъ одинъ вслѣдъ за другимъ подходили ко
мнѣ и жаловались на одно и то же страданіе, но такое совпа-
деніе производило на меня странное впечатлѣніе, хотя значи-
тельно облегчало самый процессъ осмотра больныхъ. Уже на
этомъ первомъ пріемѣ я замѣтила, что преобладающими формами
болѣзни были сифилисъ, какъ у взрослыхъ, такъ и у дѣтей,
желудочно-кишечныя страданія и разнаго рода накожныя сыпи.
Впрочемъ, объ этомъ я подробнѣе поговорю въ другомъ мѣстѣ.

Не обладая достаточнымъ навыкомъ, я провозилась съ ос-
мотромъ больныхъ болѣе нежели слѣдовало, и когда я отпустила
послѣдняго больнаго, то уже совсѣмъ стемнѣло. Отъ усталости
и голода я едва держалась на ногахъ, а, между тѣмъ, надо было
спѣшить къ другому пункту, гдѣ на слѣдующій день утромъ
предстоялъ новый пріемъ больныхъ. Чтобы не терять лишняго
времени, я рѣшилась отправиться сейчасъ же, а закусить уже
дорогой, т.-е. сидя въ телѣгѣ. Выѣхавъ за околицу деревни,
я вынула изъ своего дорожнаго мѣшка провизію, взятую мною
изъ дома, и взялась было за ѣду, какъ вдругъ къ моему ужасу
замѣтила, что мнѣ дали пьянаго ямщика. Дорога, по которой
приходилось ѣхать, была въ высшей степени неровна, каме-
ниста, то тянулась по крутому косогору, на краю обрыва, то
прорѣзывала чащу деревьевъ, такъ что вѣтви задѣвали за лицо.
И по такой-то дорогѣ ямщикъ, желая, какъ онъ говорилъ, по-
казать новому врачу, какія у него прекрасныя лошади, пустилъ
ихъ вскачь. Вслѣдствіе безпрерывныхъ толчковъ мой импрови-
зированный обѣдъ разлетѣлся во всѣ стороны, да, признаюсь, я
и забыла уже про свой голодъ. Не зная дороги и всѣхъ пре-
пятствій, которыя могли бы еще встрѣтиться на пути, я съ ми-
нуты на минуту ожидала, что лошади понесутъ и я свалюсь
въ какой - нибудь обрывъ, а потому напрягала всѣ усилія,
чтобы удержаться и не быть выброшенной изъ телѣги. Я умо-
ляла его ѣхать потише, грозила и даже кнутъ отняла, но онъ
не унимался и все погонялъ, все погонялъ, приговаривая: «мои
лошади хоть куда!» Наконецъ, кое-какъ мы добрались до мѣста,
и я, разбитая и измученная, немедленно улеглась спать.

На другой день утромъ, едва я успѣла встать и одѣться, какъ начали приходить больные, и такъ какъ здѣсь я уже была на мѣстѣ, прежде чѣмъ они начали собираться, и такъ какъ, кромѣ того, я ихъ отпускала по мѣрѣ того, какъ они приходили, то здѣсь уже не было такой давки и перебранки, какъ на предъидущемъ выѣздномъ пунктѣ.

Этотъ второй выѣздной пунктъ былъ самый отдаленный; отстоялъ онъ отъ моего мѣстожительства на пятьдесятъ верстъ, каковой путь я должна была совершать еженедѣльно туда и обратно, такъ какъ всѣ выѣздные пункты посѣщались врачами каждую недѣлю въ заранѣе опредѣленные дни. Вслѣдствіе его отдаленности отъ главнаго пункта, здѣсь постоянно жилъ фельдшеръ. Помѣщеніе состояло изъ двухъ комнатъ, изъ которыхъ одну занималъ фельдшеръ съ женой, а другая, собственно кухня, была раздѣлена перегородкой на три части; въ одной изъ нихъ помѣщалась аптека, а въ другой, маленькой каморкѣ, гдѣ стояла кровать, столъ и стулъ, я принимала больныхъ; она, въ то же время, служила мнѣ спальней, такъ какъ я всегда пріѣзжала сюда на ночь. Тутъ-то приходилось мнѣ бороться съ разнаго рода невзгодами. Съ одной стороны, меня донимали насѣкомыя, а съ другой—я страдала лѣтомъ отъ жары, вслѣдствіе топки кухонной печи, а зимой отъ холода. Ночью, въ сильные морозы, я едва согрѣвалась подъ шубой и мѣховымъ ковромъ, а днемъ единственное спасеніе была лежанка въ комнатѣ фельдшера, куда я ходила согрѣвать свои окоченѣлые пальцы, пользуясь перерывомъ въ приходѣ новыхъ больныхъ. Домъ былъ новый, еще не вполнѣ отдѣланный, а потому со всѣхъ сторонъ продувало.

Окончивъ осмотръ больныхъ въ этомъ пунктѣ, я пускалась обратно домой, куда возвращалась обыкновенно въ 1—2 часа ночи. Дорогой по временамъ случались разныя приключенія, неизбѣжныя при ночныхъ поѣздкахъ, особенно глубокою осенью, когда не видишь передъ собой сидящаго ямщика, когда сверху сѣетъ частый дождикъ, а снизу грязь, камни и канавы. Бывали встрѣчи съ волками, или видишь ихъ сверкающіе, какъ раскаленные уголья, глаза, или издали слышишь ихъ жалобное завыванье. Я не принадлежу къ числу очень трусливыхъ, а потому смотрѣла на подобныя маленькія приключенія, какъ на развлеченіе въ утомительномъ однообразіи постоянныхъ разъѣздовъ. Лишь въ крайнихъ случаяхъ я останавливалась ночевать въ до-

рогѣ, ибо спѣшила домой, чтобъ на утро принимать больныхъ въ больницѣ; развѣ ужь сильная мятель или невозможная дорога, когда въ часъ приходилось дѣлать три версты, удерживали меня на пути.

Я должна сказать нѣсколько словъ и о третьемъ пунктѣ, хотя я имъ завѣдывала сравнительно не долго; черезъ полгода я была отъ него освобождена. Хотя этотъ пунктъ былъ и ближайшій по разстоянію, но, тѣмъ не менѣе, онъ былъ для меня самый тяжелый и навсегда связанъ въ моемъ воспоминаніи съ самыми непріятными и тягостными впечатлѣніями. Работать приходилось здѣсь при самыхъ невыносимыхъ условіяхъ, а потому я утомлялась физически и нравственно, раздражалась, а подчасъ дѣло доходило до непріятнаго столкновенія съ больными. Я и теперь безъ болѣзненнаго ощущенія не могу вспомнить объ этомъ времени. Пунктъ этотъ былъ организованъ хуже остальныхъ, не доставало самыхъ необходимыхъ приспособленій для приготовленія лѣкарствъ, помѣщеніе было неудобное, не было отдѣльной комнаты для осмотра больныхъ, но главное зло было еще не въ этомъ. Помѣщеніе было даровое, отъ мѣстнаго помѣщика, отъ него же шло и отопленіе, а на наемъ прислуги ему выдавалась извѣстная сумма изъ земской управы. Однако же, особо назначенной прислуги не имѣлось, а жена одного крестьянина, имѣвшаго какія-то обязательства къ тому же помѣщику, приходила разъ въ недѣлю, въ день пріема больныхъ, топить печку и помогать при уборкѣ. Пока продолжалось теплое время года, никакого неудобства въ этомъ не замѣчалось, но съ наступленіемъ морозовъ началось чистое мученіе. Такъ какъ изба цѣлую недѣлю стояла нетопленною, то однимъ разомъ невозможно было ее согрѣть, а потому холодъ былъ нестерпимый: лѣкарства замерзали, такъ что приходилось ихъ оттаивать, окоченѣвшія руки не могли удерживать пера, и при такомъ-то холодѣ надо было раздѣвать и осматривать больныхъ!... Но бывали угощенія и получше.

Желая поскорѣе согрѣть насъ, прислуживавшая намъ женщина часто закрывала трубу слишкомъ рано, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ чего являлся угаръ, тѣмъ сильнѣйшій, что печка топилась такъ рѣдко. То мнѣ, то фельдшерицѣ дѣлалось дурно и мы принуждены были ухаживать другъ за другомъ. Разъ, когда я пріѣхала одна, угаръ былъ до такой степени сильный, что спустя часъ по своемъ пріѣздѣ я почти безъ

чувствъ свалилась на лавку. Въ такомъ положенiи пролежала я съ полчаса, а больные стояли кругомъ меня въ ожиданiи, не встану ли я опять, чтобы ихъ отпустить, но я даже головы не въ состоянiи была поднять, а потому меня уложили въ сани и отправили домой. Такъ продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ, пока не былъ введенъ другой порядокъ.

Можно себѣ представить, какъ я была довольна, когда разъ какъ-то по прiѣздѣ въ городъ узнала, что земское собранiе рѣшило отчислйть этотъ злополучный для меня пунктъ къ другому участку.

III.

Прошло уже нѣсколько мѣсяцевъ со дня моего прiѣзда сюда, и за это время я пережила такъ много новыхъ впечатлѣнiй, встрѣтилась лицомъ къ лицу съ такими явленiями изъ народной жизни, что съ трудомъ могу усвоить себѣ всю эту массу совершенно новаго для меня сыраго матерiала.

Однако, несмотря на то, что приходилось наталкиваться на картины далеко не веселаго свойства, я, тѣмъ не менѣе, чувствовала себя всѣ эти мѣсяцы такъ хорошо и легко, такое благодушiе проникло во все мое существо, какого я не опцущала во всю мою жизнь. Я весело смотрѣла на окружающiй меня мiръ и, несмотря на полнѣйшее одиночество, ни сколько не скучала. Анализируя причины подобнаго, необычнаго для меня душевнаго настроенiя, я пришла къ тому заключенiю, что источникъ его слѣдуетъ искать въ чувствѣ удовлетворенности, въ сознанiи, что достигнута, наконецъ, такъ долго желанная цѣль. Другими словами, я сознавала себя теперь, послѣ долгихъ лѣтъ томленiя и теоретическихъ умозрѣнiй, активнымъ членомъ общества, сознавала, что я вступила въ настоящую, практическую жизнь.

Одно обстоятельство придало мнѣ еще больше бодрости. Отправляясь на мѣсто своей службы въ деревню, я съ нѣкоторымъ сомнѣнiемъ думала о томъ прiемѣ, какой мнѣ окажутъ крестьяне, въ виду такого необычнаго для нихъ явленiя, какъ женщина-врачъ. Это былъ первый случай, что въ N-скомъ уѣздѣ на земскую службу въ качествѣ врача поступала женщина. Однако, мои опасенiя въ скоромъ времени разсѣялись. Когда я на другой день по прiѣздѣ сюда явилась въ первый разъ въ больницу для прiема больныхъ, то послѣднiе, казалось, нисколько не были поражены тѣмъ обстоятельствомъ, что отнынѣ ихъ бу-

детъ лечить женщина; они, по крайней мѣрѣ, не только ничѣмъ не выразили своего удивленія, но, напротивъ, отнеслись къ этому такъ, какъ будто оно было въ порядкѣ вещей. То же самое повторилось и въ послѣдующіе дни. Само собою понятно, что женская половина была особенно довольна тѣмъ, что,—какъ она выражалась,—«начальство послало имъ свою сестру». «Нашей сестрѣ теперь повальготнѣе будетъ,—говорили онѣ,—и про болѣзнь свою разскажешь, да и не съ такой опаской подступать будешь къ женщинѣ; мужчина, извѣстно, *построже* будетъ». И онѣ дѣйствительно приходили и свободно объяснялись. Но, съ другой стороны, не могу сказать, чтобъ число мужчинъ, обращавшихся за помощью ко мнѣ, уменьшилось: никакой разницы не замѣчалось какъ по сравненію съ тѣмъ, сколько ихъ приходило при моемъ предшественникѣ, такъ и съ количествомъ ихъ въ другихъ участкахъ, которыми завѣдуютъ врачи-мужчины.

Сравнительно много приходило стариковъ и старухъ искать помощи противъ своихъ недуговъ. Многіе изъ нихъ страдали застарѣлыми хроническими болѣзнями, не поддававшимися никакому леченію, но въ большинствѣ случаевъ никакой болѣзни въ собственномъ смыслѣ не было, а существовала только старческая слабость, истощеніе, надломленность силъ, когда слѣдовало бы лежать уже на печи и получать все готовое, а, вмѣсто того, вслѣдствіе отсутствія работника или по другимъ причинамъ приходилось еще исполнять трудную работу. Собравшаяся тутъ же молодежь надсмѣхалась надъ такими стариками, говоря имъ:

— Эхъ, дѣдушка! зачѣмъ ты сюда притащился? Сидѣлъ бы на печи, только намъ мѣшаешь. Куда ужь тебѣ лечиться-то? Вѣдь, не помолодѣешь.

— Помолодѣть-то и не помолодѣю, а все же, можетъ, облегченіе какое получу... Умирать-то еще какъ будто и не хочется.

Придетъ 70—80-ти лѣтній старикъ или старуха и жалуется, что плохо слышитъ, плохо видитъ, что кашель замучилъ, или что ломота въ костяхъ, спать не даетъ по ночамъ. Что съ подобными больными подѣлаешь? А такихъ, повторяю, не мало; и не то чтобъ пришелъ разъ-два да и пересталъ, нѣтъ, ходили довольно часто. Особенно мнѣ памятна одна 70-ти лѣтняя старуха, которая въ теченіе полугода правильно являлась каждую недѣлю и перестала пріѣзжать только съ перенесеніемъ пункта на болѣе отдаленное отъ ея деревни мѣсто. Она была совсѣмъ слѣпа, слышала лишь при громкомъ говорѣ и страдала хрони-

ческимъ бронхитомъ, но она увѣряла, что чувствуетъ облегченіе, когда принимаетъ то или другое лѣкарство. Должно быть, въ молодости она была бой-баба, потому что и теперь, несмотря на 70 лѣтъ, съ успѣхомъ огрызалась на толпу больныхъ, которые отпускали шутки на ея счетъ по поводу ея усердныхъ посѣщеній медицинскаго пункта. Подъ конецъ мы такъ съ ней познакомились, что она жаловалась мнѣ на непокорность своихъ сыновей и невѣстокъ.

Такое простое, болѣе или менѣе непринужденное отношеніе къ женщинѣ-врачу можно весьма легко объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что крестьяне привыкли въ вопросахъ леченія обращаться къ женщинамъ. Съ одной стороны, врачеваніемъ разныхъ болѣстей среди крестьянскаго населенія разными травами или нашептываніемъ занимаются преимущественно женщины, такъ называемыя знахарки, между тѣмъ какъ знахарей гораздо меньше; съ другой стороны, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ помѣщики живутъ въ своихъ имѣніяхъ, крестьяне постоянно обращаются къ помѣщицамъ, весьма рѣдко къ помѣщикамъ, за совѣтами относительно своихъ собственныхъ страданій или на случай заболѣванія скотины. По поводу послѣдней крестьяне очень часто обращались ко мнѣ съ просьбой полечить заболѣвшую лошадь или корову. Къ моему крайнему сожалѣнію, я очень мало могла имъ помочь въ данномъ случаѣ, такъ какъ по этой части не имѣла никакихъ познаній. Я глубоко сожалѣю, что не знала прежде о возможности запроса съ этой стороны. Еслибъ знала, то постаралась бы пріобрѣсти нѣкоторыя свѣдѣнія въ ветеринарномъ искусствѣ передъ моимъ отправленіемъ въ деревню.

Все вышесказанное относится къ коренному крестьянскому населенію. Прочіе деревенскіе обитатели, чиномъ повыше, мѣщане и вообще такъ называемая деревенская интелигенція, относятся къ женщинѣ-врачу уже съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ, хотя, тѣмъ не менѣе, въ случаѣ нужды нисколько не стѣсняются прибѣгать къ помощи. Собственно такой людъ предпочитаетъ имѣть у себя даже и не врача, а просто фельдшера, съ которымъ можно обходиться проще, «за панибрата», съ которымъ можно вести дружбу и которому можно *приказать* выдать то или другое лѣкарство или поставить себѣ банки. Изъ-за этихъ кровососныхъ банокъ врачу приходится вести упорную борьбу, такъ какъ деревенское населеніе привыкло смотрѣть на это средство, какъ на панацею противъ многихъ болѣзней, подобно банѣ.

Фельдшеръ же за извѣстное вознагражденіе готовъ поставить сколько угодно банокъ каждому желающему, хотя бы даже и чахоточному, чему уже бывали примѣры.

Не могу не привести одинъ курьезный случай, бывшій со мною вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ городъ N. Я, какъ уже сказала, была первая женщина-врачъ, пріѣхавшая на службу въ городъ N. Теперь женщины-врачи сдѣлались болѣе или менѣе обычнымъ явленіемъ, но въ то время это была еще «новость». Въ городѣ N. жалованье земскимъ служащимъ выдавалось не изъ управы, а изъ казначейства. Въ первый разъ я отправилась туда съ однимъ моимъ знакомымъ, такъ какъ надо было совершить цѣлый рядъ формальностей, мнѣ неизвѣстныхъ. Въ продолженіе чуть ли не цѣлаго часа мы переходили отъ одного чиновника къ другому и, наконецъ, подошли къ тому, который долженъ былъ подписать бланкъ о выдачѣ денегъ изъ кассы. Чиновникъ повертѣлъ бумагу въ рукахъ и сказалъ:

— Надо врачу написать довѣренность на полученіе жалованья другому лицу, иначе нельзя выдать.

— Но къ чему же довѣренность, когда самъ врачъ тутъ на лицо?—сказалъ мой знакомый, указывая на меня; я стояла немного поодаль.

— Какъ?—На лицѣ чиновника выразилось какое-то недоумѣніе.

— Эта госпожа и есть врачъ, поступившій къ намъ на земскую службу,—отвѣчалъ мой знакомый.

На эти слова чиновникъ безцеремонно расхохотался, и не сразу сдался на наши доводы.

Въ моемъ участкѣ живетъ много раскольниковъ. Большинство изъ нихъ также обращается за медицинскою помощью наравнѣ съ другими, и я лишь случайно узнавала о томъ, что они не православные. Нѣкоторые изъ нихъ, впрочемъ, допускаютъ леченіе только съ разными ограниченіями. Такъ, иные охотно примѣняютъ одни только наружныя средства, а отъ внутренняго употребленія лѣкарствъ упорно отказываются, хотя бы ихъ болѣзнь и требовала именно внутренняго леченія. Другіе же соглашаются и на внутреннее употребленіе лѣкарствъ, но для ихъ приготовленія приносятъ свою посуду и свою воду.

Разъ я имѣла случай посѣтить ихъ «наставника». Въ одно изъ моихъ посѣщеній наиболѣе отдаленнаго фельдшерскаго пункта

я была приглашена къ нему на домъ. Показался онъ мнѣ весьма виднымъ и представительнымъ старикомъ, но сильно ослабѣвшимъ вслѣдствіе сложной и изнурительной болѣзни. Ему было болѣе 70 лѣтъ. Послѣ того, какъ я его осмотрѣла, онъ обратился ко мнѣ съ просьбой сказать ему чистую правду: «можно ли его спасти?» Въ виду этого я отвѣчала, что ручаться не могу, а попробовать можно.

— Въ такомъ случаѣ,— сказалъ онъ,—я грѣха на душу не возьму и внутрь никакихъ лѣкарствъ принимать не буду; а наружныя давайте, какія знаете.

Я особенно не настаивала, такъ какъ ясно сознавала, что ему безполезны теперь какія бы то ни было лѣкарства. Дѣйсвительно, черезъ нѣсколько дней онъ умеръ. Когда распространился слухъ о томъ, что онъ умираетъ, множество народу стало приходить къ нему изъ сосѣднихъ уѣздовъ, чтобы получить отъ него благословеніе. Многимъ раздавалъ онъ передъ смертью деньги, землю и всѣмъ должникамъ своимъ простилъ долги.

IV.

Понемногу я начинала убѣждаться, что мое черезъ-чуръ чувствительное обоняніе заставляетъ меня не мало страдать при исполненіи моихъ медицинскихъ обязанностей. Да и вообще кто посвящаетъ себя какой-либо дѣятельности среди народа, тотъ долженъ волей-неволей пойти на нѣкоторые компромиссы съ своими привычками и понятіями о чистотѣ и опрятности. Въ этомъ отношеніи особенному испытанію подверглась я при посѣщеніи одной больной.

Часовъ въ 10 вечера пріѣхалъ ко мнѣ одинъ крестьянинъ съ просьбой съѣздить верстъ за десять къ его сестрѣ, которую мужъ избилъ въ пьяномъ видѣ. Когда я подъѣхала къ избѣ, гдѣ лежала больная, меня чрезвычайно поразило то обстоятельство, что оттуда неслись звуки пѣсенъ и гармоники. Отворивъ дверь, я остановилась въ изумленіи: довольно просторная изба была биткомъ набита разнаго рода людомъ, занятымъ шумнымъ весельемъ, а изъ глубины, съ полатей доносились глухіе стоны больной. Все это обволакивалось густымъ туманомъ, такимъ тяжелымъ и удушливымъ, что едва я сняла шубу и подошла къ больной, какъ почувствовала, что у меня спирается дыханіе и темнѣетъ въ глазахъ. Я опрометью бросилась къ дверямъ и вы-

бѣжала на улицу, гдѣ и присѣла на снѣгу. Удивленные хозяева послѣдовали за мною, но, скоро сообразивъ, въ чемъ дѣло, стали разгонять посѣтителей. Отдышавшись немного и осмотрѣвъ больную, я обратилась съ вопросомъ къ хозяевамъ, по какому случаю у нихъ собралось такъ много народу и какъ они это допустили, когда у нихъ лежитъ больной человѣкъ.

— Да, видишь ли, матушка, у насъ сегодня праздникъ, и пришло много гостей, а такъ какъ наша изба всѣхъ больше въ деревнѣ, то въ гости и собрались къ намъ погулять, а что больная есть, то это ничего не значитъ, снесетъ; не больно мы на этотъ счетъ избалованы.

Мужъ, поколотивъ жену, куда-то скрылся. По словамъ пострадавшей женщины, это было не въ первый разъ, что онъ ее колотилъ. Нѣсколько разъ дѣло доходило до волостнаго суда, но судъ дѣлалъ лишь выговоръ мужу и тѣмъ все кончалось. Поводомъ къ настоящей дракѣ послужило то обстоятельство, что она бесѣдовала съ однимъ парнемъ, который мужу не понравился. Она просила меня написать медицинское свидѣтельство о нанесенныхъ ей побояхъ, такъ какъ желала подать жалобу на этотъ разъ уже мировому судьѣ, и клялась, что ни за что уже не возвратится больше къ мужу въ его деревню. Но и здѣсь, въ родительскомъ домѣ, ее тоже, повидимому, не ожидала пріятная жизнь. Ни отца, ни матери у нея не было, а братья и невѣстки не выказывали особой охоты ухаживать за ней, что я могла уже замѣтить во время непродолжительнаго моего у нихъ пребыванія. Это сознавала сама больная, такъ какъ она все умоляла, чтобъ ее отвезли въ волостное правленіе и бросили тамъ одну.

— Авось тогда волостные судьи сжалятся надо мною,—говорила она.

Я предложила взять ее къ себѣ въ больницу, гдѣ ее ожидалъ, конечно, лучшій уходъ, нежели въ домѣ родныхъ. Она сейчасъ же согласилась, но мнѣ стоило большаго труда уговорить ея брата, чтобъ онъ сейчасъ же, ночью, запрегъ сани и отвезъ больную вмѣстѣ со мною въ больницу. Я обѣщала, что тамъ же напишу немедленно медицинское свидѣтельство и отдамъ ему.

Кстати замѣчу, что въ случаѣ какой-либо драки крестьяне немедлено являются къ врачу за полученіемъ медицинскаго свидѣтельства. Въ подобныхъ случаяхъ леченіе для нихъ не важно,

а на первомъ планѣ само свидѣтельство о поврежденіи, чтобы подать жалобу въ судъ. Они предпочитаютъ жаловаться мировому судьѣ, потому что волостной судъ оставляетъ, большею частью, такія жалобы безъ послѣдствій. Хотя бы поврежденія были самыя пустыя, какія-нибудь царапины, а, все-таки, безъ свидѣтельства нельзя.

Когда я дня черезъ два, уже въ больницѣ, пришла провѣдать больную, она сообщила мнѣ, что помирилась съ мужемъ и что какъ только поправится, то поѣдетъ къ нему домой.

— Какъ же это? Вѣдь, ты хотѣла судиться съ нимъ,—спросила я.

— Да, но онъ пришелъ сюда на другой день, бросился мнѣ въ ноги, плакалъ и просилъ, чтобъ я ему простила; да и дѣтей жалко бросать... Какъ они, бѣдныя, безъ матери-то будутъ жить? Вотъ я и порѣшила помириться съ нимъ. Можетъ, онъ теперь ласковѣе будетъ,—сказала она.

Подобныхъ случаевъ въ моей практикѣ было не мало.

Понемногу я освоилась и познакомилась съ мѣстностью и людьми, такъ что на пріемѣ въ больницѣ стала встрѣчать среди больныхъ людей уже знакомыхъ мнѣ, и когда они называли мнѣ ту или другую деревню, то въ моемъ умѣ уже возникало представленіе о ея мѣстонахожденіи и другихъ отличительныхъ признакахъ, не то, что прежде, когда одну и ту же деревню я обозначала разными названіями, смотря по тому, какъ скажетъ тотъ или другой больной. Надо замѣтить, что крестьяне часто перевираютъ названіе своей деревни и волости, а подчасъ перевираютъ и свои собственныя имена.

Я прожила здѣсь достаточно времени, чтобы успѣть разсмотрѣть, какія формы болѣзни встрѣчаются всего чаще.

Какъ я уже замѣтила на первомъ пріемѣ больныхъ, одной изъ преобладающихъ формъ болѣзненности въ этой мѣстности является сифилисъ во всѣхъ стадіяхъ его развитія и въ различныхъ возрастахъ, начиная съ груднаго ребенка до 80-ти лѣтняго старика. Не отвергая значенія обыкновенно признаваемыхъ факторовъ въ исторіи занесенія этой болѣзни въ среду крестьянскаго населенія, а именно отхожіе промыслы и возвращеніе на родину солдатъ, я должна прямо сказать, что главнымъ источникомъ распространенія сифилиса служитъ употребленіе общей посуды для ѣды. Это явствуетъ изъ того обстоятельства, что въ большинствѣ случаевъ первые признаки зараженія у здѣшнихъ обитателей являются на гу-

бахъ и во рту. Такъ какъ крестьяне смотрятъ на эту болѣзнь, какъ на нѣчто позорное, то каждый заболѣвшій, если онъ только подозрѣваетъ свойства своей болѣзни, тщательно скрываетъ ее отъ другихъ членовъ своей семьи, а тѣмъ болѣе отъ остальныхъ обитателей своей деревни. Между прочимъ, я помню одну дѣвушку, лѣтъ 18-ти, у которой я замѣтила первые признаки развитія сифилиса и предложила ей поступить въ больницу, но потомъ я ее долго не видала, такъ какъ она перестала ходить. Черезъ годъ отецъ приводитъ ее въ ужасномъ видѣ съ просьбой помѣстить ее въ больницу. Когда я начала его стыдить, почему онъ довелъ свою дочь да такого состоянія и почему не прислалъ ее тогда, когда она только что заболѣла и я хотѣла ее взять, то онъ началъ оправдываться, говоря, что ему было «зазорно» послать дѣвушку-невѣсту въ больницу и тѣмъ открыто заявить, какою болѣзнью она страдаетъ.

Вообще крестьяне весьма неохотно соглашаются поступать въ больницу; развѣ въ крайнихъ случаяхъ или когда болѣзнь такого рода, которая и по ихъ собственному мнѣнію требуетъ больничнаго леченія, или же когда заболѣвшій бездомный и безродный бобыль, за которымъ некому ухаживать. Можетъ быть, въ подобномъ предубѣжденіи виновна отчасти блаженной памяти прежняя больница, о которой составилось традиціонное мнѣніе, что оттуда рѣдко кто возвращался живымъ и здоровымъ, и ходили слухи о жестокомъ обращеніи служителей съ больными. Но такое нежеланіе имѣетъ еще и совершенно другіе мотивы у крестьянъ. Каждый членъ семьи цѣнится какъ извѣстная рабочая сила, лишиться которой безъ особенной нужды крайне нежелательно. Если болѣзнь хроническая или вообще такая, что не отнимаетъ у больнаго возможности исполнять хоть самыя незначительныя домашнія работы, то такого, особенно же если заболѣвшій былъ настоящій работникъ въ семьѣ, ни за что не отпустятъ, если не представить убѣдительныхъ доказательствъ въ пользу преимущества больничнаго леченія.

Обыкновенно съ наступленіемъ страдной поры деревенская больница пустѣетъ. Всѣ больные отправляются домой и остаются или дѣти, или же такіе больные, которые уже ни на что не годны въ домашнемъ обиходѣ. За больными пріѣзжаютъ родные и забираютъ ихъ весьма часто противъ ихъ собственнаго желанія. Сколько разъ, бывало, говоришь имъ:

— Зачѣмъ берете вы домой Прасковью? Вѣдь, она въ полѣ не въ состояніи работать.

— Да мы ее въ полѣ и не заставимъ работать,—какой ужъ она работникъ теперь,—да все же лишній человѣкъ въ избѣ, присмотрѣть за ребятами или что около дому сдѣлать. Какъ кончится рабочая пора, такъ мы ее опять къ твоей милости привеземъ.

Такъ оно обыкновенно и случалось, что больные вновь поступали въ больницу съ наступленіемъ осени, но съ замѣтнымъ ухудшеніемъ въ теченіи болѣзни, а вслѣдствіе этого, понятно, выздоровленіе затягивалось.

Не менѣе значительный контингентъ составляютъ больные, страдающіе разными накожными сыпями и хроническими язвами на ногахъ. Особенно послѣдніе производятъ удручающее впечатлѣніе и присутствіе ихъ издали замѣтно, когда они приходятъ къ врачу въ первый разъ, по зловонію, ими распространяемому. Рана за недосугомъ перевязывается рѣдко и, притомъ, почти всегда грязными, толстыми тряпками, производящими еще сильнѣйшее раздраженіе; вмѣсто абсолютнаго покоя, какой требуется въ подобныхъ случаяхъ, больной обязанъ исполнять всѣ свои обычныя работы, несмотря подчасъ на невыносимыя страданія, въ виду того, что такая болѣзнь не считается въ ихъ глазахъ заслуживающей особаго вниманія. Вслѣдствіе такого небрежнаго отношенія незначительная ранoчка съ теченіемъ времени такъ распространяется въ глубину и ширину, что невозможно на нее смотрѣть безъ внутренняго содроганія. Такіе больные по упорному характеру своего страданія составляютъ самый неблагодарный матеріалъ и принадлежатъ къ тѣневой сторонѣ земской медицинской практики.

Но въ ряду преобладавшихъ болѣзненныхъ формъ меня особенно поразилъ одинъ фактъ, для меня совершенно неожиданный. Это—относительное обиліе желудочно-кишечныхъ страданій.

Такъ какъ я выросла въ городѣ, встрѣчалась исключительно съ городскими жителями, то привыкла съ дѣтства слышать толки о необыкновенной физической силѣ мужиковъ, объ ихъ желѣзномъ здоровьѣ и о грубомъ, всевыносящемъ мужицкомъ желудкѣ, вошедшемъ даже въ поговорку. Но что же я вдругъ увидала при столкновеніи съ деревенскою дѣйствительностью? Рѣдко встрѣтишь мужика или бабу, которые бы не жаловались на то, что у нихъ *сердце болитъ*: такъ называютъ они боль въ области желудка,

обусловленную страданіемъ послѣдняго. Даже дѣти не изъяты отъ подобныхъ страданій. Приходилось имѣть дѣло съ такими упорными и мучительными формами, какія едва ли встрѣчаются у людей имущихъ классовъ. Оно и понятно. Если кто-либо, принадлежащій къ состоятельному классу, заболѣетъ катарромъ желудка, то онъ до нѣкоторой степени въ состояніи сообразоваться съ діэтетическими предписаніями своего врача, по крайней мѣрѣ, онъ можетъ избѣгать прямо вредныхъ для него пищевыхъ веществъ. Но можетъ ли быть вопросъ о какой бы то ни было діэтѣ у крестьянъ, когда большинство изъ нихъ питается преимущественно сѣрыми пустыми щами, тюрей и пушнымъ хлѣбомъ *)? Говорю я это на основаніи своихъ личныхъ наблюденій, относящихся къ мѣстности, подлежащей моему вѣдѣнію.

Пріѣзжаю я, напримѣръ, въ деревню, гдѣ свирѣпствуетъ эпидемія кроваваго поноса, и вхожу въ избу, гдѣ лежитъ больная дѣвушка. Въ то время, какъ я съ ней разговаривала, взоръ мой случайно упалъ на столъ, гдѣ лежало нѣсколько хлѣбовъ, повидимому, только что вынутыхъ изъ печи. Необыкновенно черный цвѣтъ ихъ такъ поразилъ меня, что я обратилась съ разспросами къ хозяйкѣ. Она объяснила мнѣ, что это и есть такъ называемый пушной хлѣбъ, который получается такимъ образомъ, что зерно послѣ молоченья не провѣивается, а прямо перемалывается въ муку. По моей просьбѣ крестьянка разрѣзала одинъ такой хлѣбъ и середина его на хлѣбъ нисколько не походила, а напоминала землю, перемѣшанную съ соломой, и вообще онъ имѣлъ такой непривлекательный видъ, что я не рѣшилась его попробовать, а, между тѣмъ, онъ составляетъ исключительную пищу значительной части крестьянскаго населенія.

Въ началѣ моей врачебной дѣятельности я, конечно, считала своимъ долгомъ каждому больному, страдавшему желудочно-кишечнымъ катарромъ, перечислить все то, что ему слѣдуетъ ѣсть и чего надо избѣгать, сообразуясь приблизительно съ его обстоятельствами, но когда я поближе познакомилась съ его житьемъ-бытьемъ и его пищевыми суррогатами, мнѣ подчасъ—сознаюсь въ этомъ откровенно—дѣлалось совѣстно толковать ему про діэтетическія правила. На мои совѣты я часто получала такіе отвѣты: «Я самъ, матушка, хорошо знаю, что мой желудокъ не принимаетъ такой пищи, да ничего не подѣлаешь, когда другая пища не по нашимъ достаткамъ».

*) Я имѣю въ виду бѣднѣйшую часть крестьянскаго населенія.

Изъ всѣхъ пищевыхъ веществъ, доступныхъ крестьянину, молоко, казалось бы, должно было быть у него въ достаточномъ количествѣ, но, однако, на дѣлѣ оно вовсе не такъ. Крестьянская корова, которой обыкновенно сѣна и понюхать не приходится, съ наступленіемъ зимы перестаетъ доиться, такъ что иногда во всей деревнѣ не найдется стакана молока для груднаго ребенка.

V.

Какъ діэтетика, такъ равно и гигіена являются пустымъ звукомъ по отношенію къ крестьянскому населенію.

Когда слухъ о ветлянской чумѣ напугалъ всю Россію, во всѣхъ городахъ устраивались комитеты общественнаго здравія и земству, между прочимъ, было тоже предоставлено право издавать обязательныя санитарныя постановленія, N—ская управа въ виду такого разрѣшенія пожелала тоже выработать гигіеническія правила для примѣненія къ крестьянскому быту и съ этою цѣлью пригласила на совѣщаніе всѣхъ своихъ врачей. Понятно, что наши правила такъ и остались на бумагѣ, такъ какъ здѣсь суть вовсе не въ нихъ.

Начать съ того, что главная масса крестьянъ въ N—скомъ уѣздѣ живетъ въ курныхъ избахъ. Не знаю, имѣютъ ли городскіе жители понятіе о томъ, что такое значитъ курная изба? Сомнѣваюсь; по крайней мѣрѣ, я хотя часто встрѣчала этотъ эпитетъ въ литературѣ, но не связывала съ нимъ никакого яснаго представленія. Только поселившись въ деревнѣ и посѣтивъ не малое количество подобныхъ жилищъ, я поняла все ихъ значеніе.

Я слышала отъ нѣкоторыхъ такое мнѣніе, что будто бы курная изба служитъ отличнымъ дезинфицирующимъ средствомъ противъ эпидемическихъ заразительныхъ болѣзней и разнаго рода насѣкомыхъ. Но то и другое совершенно невѣрно. Несмотря на огромное преобладаніе курныхъ избъ, такую массу эпидемій, какъ въ моемъ участкѣ, едва ли можно себѣ представить. Нѣтъ никогда такого времени, когда бы можно было сказать, что теперь все тихо и благополучно. Разъ появившись въ одной деревнѣ, эпидемическая болѣзнь можетъ спокойно перебрать нѣсколько членовъ одной семьи и перейти въ другую избу, независимо отъ того, будетъ ли изба черная или бѣлая.

Къ вредному вліянія дыма курныхъ избъ присоединяется еще

одинъ факторъ, дѣйствующій въ томъ же направленіи. Дѣло въ томъ, что главнымъ матеріаломъ для освѣщенія служитъ здѣсь классическая лучина; керосиновыя лампочки встрѣчаются здѣсь крайне рѣдко, а свѣчи и того рѣже. Въ виду этого обстоятельства, весьма важнаго въ исторіи происхожденія глазныхъ болѣзней, нѣтъ ничего удивительнаго, что послѣднія развиты здѣсь въ сильнѣйшей степени. Дѣйствительно, изъ отчетовъ, представляемыхъ врачами ежегодно къ земскому собранію, видно, что процентъ глазныхъ болѣзней необыкновенно высокъ по сравненію съ другими болѣзнями.

Деревенская хозяйка не имѣетъ обыкновенія мыть полъ въ своей избѣ и грязь, постепенно отлагаясь на немъ слой за слоемъ, приводитъ его мало-по-малу въ совершенно невозможный видъ. Въ такихъ избахъ, величиною въ 5 - 6 квадратныхъ аршинъ, рѣдко больше, помѣщается среднимъ числомъ 6—7 человѣкъ, а зимой сюда надо прибавить и домашнюю птицу, и другихъ болѣе крупныхъ животныхъ. Зимой, когда окна и двери плотно закрываются, а наружныя стѣны ради тепла обкладываются навозомъ и соломой, атмосфера въ этихъ избахъ, особенно же ночью, въ высшей степени тяжелая и пропитанная разными вредными испареніями. Мнѣ случалось неоднократно посѣщать крестьянскія избы въ ночное время, причемъ я замѣчала, что крестьяне, большею частью, спятъ не раздѣваясь и только изрѣдка снимаютъ промокшіе лапти, которые и кладутъ для просушки на шестокъ.

Соотвѣтственно домашней обстановкѣ такая же неряшливость проявляется и въ отношеніи личнаго обихода деревенскихъ обитателей N—скаго уѣзда, несмотря на то, что почти обязательно еженедѣльное посѣщеніе бани. Но послѣдняя далека отъ того, чтобы удовлетворять своему назначенію; напротивъ того, она служитъ источникомъ распространенія разнаго рода заразительныхъ болѣзней, въ особенности чесотки. Развитіе послѣдней доходитъ до поразительныхъ размѣровъ, такъ что не только цѣлыя семьи, но даже нѣкоторыя деревни сплошь заражены ею. Обыкновенно въ деревнѣ имѣется не болѣе 2—3 бань, такъ что на каждую изъ нихъ приходится по нѣсколько семействъ; кромѣ того, туда пускаютъ еще купаться прохожихъ нищихъ. Если-одинъ посѣтитель окажется больнымъ чесоткой, то такимъ путемъ можетъ заразиться вся деревня. Этому способствуетъ и самое устройство деревенской бани.

Крестьяне мѣняютъ свою одежду рѣдко и довольно часто случается, что, выйдя изъ бани, надѣваютъ опять старое, грязное платье. Стирка бѣлья по большей части производится безъ мыла и сплошь и рядомъ весь процессъ стиранія ограничивается тѣмъ, что понесетъ баба все назначенное къ стиркѣ къ озеру или ручью, тамъ пополощетъ въ холодной водѣ, побьетъ валькомъ и пойдетъ развѣшивать. Но и эта невзрачная одежда не всегда бываетъ въ порядкѣ; особенно же въ этомъ отношеніи страдаютъ дѣти: вѣчно у нихъ что-нибудь оборвано, разодрано или въ заплатахъ. Многіе крестьяне не посылаютъ своихъ дѣтей въ школу за неимѣніемъ приличной одежды, т.-е., по просту, цѣлаго, не разодраннаго кафтана. Подобные мотивы я не разъ слыхала отъ крестьянъ. Про сапоги и говорить нечего: большинство школьниковъ ходитъ въ лаптяхъ, а, между тѣмъ, имъ приходится иногда въ распутицу проходить черезъ ручьи и болота и они являются въ школу съ промокшими ногами. То же самое относится и къ взрослымъ, такъ какъ и бабы, и мужики не имѣютъ другой обуви, кромѣ лаптей. Такая обувь нисколько не предохраняетъ отъ сырости, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что ревматическое страданіе въ ногахъ составляетъ здѣсь заурядное явленіе, тѣмъ болѣе, что здѣшняя мѣстность изобилуетъ болотами.

Впрочемъ, такая бѣднота въ одеждѣ и обуви существуетъ лишь въ одной волости, гдѣ населеніе исключительно занято земледѣльческимъ трудомъ, почва же каменистая, безплодная, дающая и въ хорошіе годы весьма плохой урожай. Крестьяне въ этой волости рѣдко доживаютъ на своемъ хлѣбѣ до слѣдующаго урожая, а потому на одежду тратятъ крайне мало. Даже на праздникахъ мало встрѣтишь здѣсь бумажныя ткани и кожаную обувь. Въ сосѣднихъ волостяхъ, гдѣ почва болѣе плодородна и мужчины зимой уходятъ въ отхожій промыселъ, народъ живетъ болѣе зажиточно въ домашней обстановкѣ и одѣвается щеголеватѣе. Молодежь, возвращаясь съ своихъ заработковъ, приноситъ въ деревню много чуждыхъ ей элементовъ, городскіе нравы и обычаи, которые здѣсь постепенно и прививаются.

VI.

Лѣто 18** года было необыкновенно жаркое и сухое; даже старожилы не могли вспомнить на своемъ вѣку такой засухи. Во многихъ деревняхъ колодцы высохли такъ, что воду прихо-

дилось возить издалека. Крестьяне горевали, что негдѣ будетъ ленъ мочить. Обыкновенно въ каждой деревнѣ для этого есть яма, наполненная водой, но теперь эти ямы стояли совсѣмъ сухія. Лѣсные пожары, возобновляющіеся каждое лѣто, теперь свирѣпствовали съ необыкновенной силой. Такъ какъ я часто ѣздила по обязанностямъ своей службы въ разныхъ направленіяхъ, то имѣла возможность наблюдать опустошенія, совершонныя огнемъ. Гдѣ еще недавно красовались стройныя сосны и развѣсистыя ели, сегодня грустно торчатъ обгорѣлые стволы на почернѣвшей землѣ и только кое-гдѣ виднѣются зеленые островки, пощаженные пламенемъ. Но лѣтомъ 18** года, кромѣ лѣсовъ, горѣли еще и болота, что гораздо хуже. Болота или моховики, обыкновенно пропитанныя водой, вслѣдствіе небывалой жары и продолжительнаго бездождія окончательно пересохли и загорались очень легко. Они не вспыхиваютъ пламенемъ, а только тлѣютъ, распространяя густой дымъ и смрадъ, чрезвычайно затрудняющіе дыханіе. Разъ загорѣвшись, болото уже все выгоритъ въ длину и глубину, сваливая весь кустарникъ, растущій на немъ.

Много разъ я обращалась къ деревенскимъ обитателямъ съ разспросами о причинахъ такихъ частыхъ лѣсныхъ пожаровъ и получала въ отвѣтъ, что бо̀льшею частью они происходятъ отъ случайныхъ причинъ. Пастухи, назначаемые преимущественно изъ подростковъ, зажигаютъ ночью костры и по небрежности не тушатъ ихъ. Поднимается вѣтеръ, раздуетъ пламя, понесетъ на ближайшія деревья и вотъ лѣсной пожаръ готовъ. Но, съ другой стороны, по словамъ тѣхъ же обитателей, нерѣдко бываютъ случаи умышленныхъ поджоговъ.

Заслуживаютъ вниманія тѣ мотивы, которыми руководствуются при этомъ крестьяне. Несмотря на обиліе лѣсовъ въ этой мѣстности, собственно крестьяне не имѣютъ его вовсе и крайне нуждаются въ строевомъ лѣсѣ. Вслѣдствіе этой нужды, порубка въ господскомъ лѣсу составляетъ весьма нерѣдкое явленіе и лѣсничій ведетъ съ крестьянами безпрерывную войну; но виновникъ рѣдко отыскивается, ибо крестьяне въ этомъ отношеніи очень солидарны и ни за что не выдадутъ провинившагося, хотя бы очень хорошо знали, кто сдѣлалъ ту или другую порубку. Воровать лѣсъ они не считаютъ преступленіемъ на томъ основаніи, что, по ихъ мнѣнію, это *Божье добро* и каждый можетъ брать, сколько ему потребуется.

Нѣсколько разъ бесѣдовала я съ крестьянами на эту тему; приведу одинъ разговоръ, могущій служить характеристикой крестьянской морали.

Какъ-то разъ была я приглашена на свадьбу къ знакомому крестьянину (онъ женилъ своего внука). Привезли они меня рано, еще до отъѣзда молодыхъ въ церковь. Здѣсь я присутствовала при церемоніи снаряженія и благословенія жениха, но меня также интересовало узнать, какъ будутъ встрѣчать молодыхъ по возвращеніи изъ-подъ вѣнца, и я осталась дожидаться пріѣзда свадебнаго поѣзда обратно. Въ ожиданіи молодыхъ, хозяинъ и его своякъ предложили показать мнѣ свое хозяйство, на что я охотно согласилась. Между прочимъ, вошли мы въ новую избу, которую онъ началъ строить, такъ какъ прежняя была уже стара и тѣсна для разросшейся семьи. Хотя изба, въ которую мы вошли, была, очевидно, совершенно новая, еще не оконченная, но почему-то имѣла видъ старой и даже бревна какъ будто почернѣли. Я спросила о причинѣ такого явленія.

— Да это потому, что строится она уже давно; каждый годъ понемногу прибавляемъ,—отвѣтилъ хозяинъ.—Вѣдь, сразу столько лѣсу намъ невозможно купить, вотъ мы по частямъ и добываемъ то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ.

— У кого же вы лѣсъ покупаете?—спросила я.

— У кого? Да частью мы снимаемъ лѣсную десятину у господъ и тамъ выбираемъ какія бревна покрупнѣе на постройки, а остальное на дрова, а то покупаемъ то у одного, то у другаго изъ нашихъ мужиковъ по бревну; такъ изба и поставится.

— Да откуда же мужики лѣсъ берутъ?

— Откуда?—мои собесѣдники переглянулись между собою и засмѣялись.—Да изъ господскихъ лѣсовъ.

— Какъ такъ, изъ господскихъ?—не могла я не выразить своего удивленія.—Значитъ, воруютъ?

— Да, воруютъ; безъ этого намъ нельзя, совсѣмъ пропадать придется; вѣдь, лѣсу у насъ своего совсѣмъ нѣтъ, а покупать все намъ не въ моготу. Надо избу построить, дворъ, изгородь загородить или вотъ дрова на зиму запасать, откуда все это возьмешь? Вотъ для всего прочаго и снимаешь десятину мелкаго лѣсу, а для избы этотъ лѣсъ уже не годится, а потому безъ воровства трудно обойтись, если мужикъ небогатый. Да это мы, мужики, почитай что и за воровство не считаемъ; вѣдь,

лѣсъ ничей, по нашему разумѣнію; его никто не сѣялъ и не садилъ, такъ почему же намъ и не попользоваться маленько?

— Ну, а если кто попадется, тому плохо будетъ?

— Извѣстное дѣло! Если накроютъ съ поличнымъ, то дѣло до суда дойдетъ и штрафъ заплатишь, а то можно иногда и откупиться. Но больше такъ случается, что не разыщутъ, кто порубку сдѣлалъ; какъ въ другомъ, а на этотъ счетъ у насъ въ деревнѣ строго: никто своего брата, мужика, не выдастъ.

Кромѣ того, чтобы вынудить того или другаго владѣльца вырубить на продажу свой лѣсъ и, притомъ, за относительно дешевую цѣну, крестьяне по временамъ прибѣгаютъ къ поджогу, потому что обгорѣлыя деревья портятся и засыхаютъ, и тогда владѣлецъ волей-неволей принужденъ бываетъ приступить къ порубкѣ лѣса.

Бываютъ также случаи поджога изъ мести. По этому поводу приведу разговоръ мой съ однимъ крестьяниномъ. Возвратившись изъ своей поѣздки въ городъ около пяти часовъ вечера и порядкомъ проголодавшись, я собиралась обѣдать, какъ вдругъ къ крыльцу кто-то подъѣхалъ и, вслѣдъ затѣмъ, въ комнату вошелъ знакомый крестьянинъ.

— Что скажешь, Семенъ?—обратилась я къ нему.

— Къ твоей милости, матушка. Съѣздимъ ко мнѣ, дочь моя больно плоха.

— Развѣ она у тебя лежитъ, а не у мужа своего?

— Нѣтъ, я ее къ себѣ взялъ. Работать уже не можетъ, вѣдь, съ постели не встаетъ, такъ кто же за ней ходить тамъ будетъ, у мужа-то? И попить-то не дадутъ.

Скоро мы отправились. Надо замѣтить, что мы съ Семеномъ были хорошо знакомы, такъ какъ я лечила всю его семью и не разъ ѣздила къ нему на домъ въ деревню. Былъ онъ мужикъ неглупый и жилъ сравнительно богаче другихъ, т.-е. хлѣба у него было вдоволь, недоимокъ за нимъ не водилось и изба у него была просторная, бѣлая,—явленіе весьма рѣдкое въ этихъ мѣстахъ. Однимъ только Богъ его обидѣлъ, какъ онъ мнѣ не разъ жаловался: «внучата мужскаго пола никакъ у него не уживались; дѣвочки всѣ живы, а какъ родится мальчикъ, такъ вскорѣ и помретъ».

Крестьянинъ горячо желаетъ себѣ наслѣдника мужскаго пола, и не потому, что иначе его родъ прекратитъ свое существо-

ваніе, а потому, что онъ боится остаться на старости лѣтъ безъ поддержки и куска хлѣба.

Дорогой разъ намъ пришлось проѣзжать мимо горящаго болота, и у насъ естественно завязался разговоръ о причинахъ такихъ частыхъ пожаровъ.

— Да, разное бываетъ,—замѣтилъ Семенъ.— Вотъ хоть, къ примѣру сказать, такой случай у насъ произошелъ нынче лѣтомъ... Знаешь ли ты, сударыня, село Семеновское, гдѣ живетъ старовѣръ?

— Знаю,—сказала я.—Я разъ ѣздила туда къ нему.

— Съ тѣхъ поръ, какъ этотъ старовѣръ купилъ имѣніе у нашего бывшаго барина, онъ сталъ прижимать насъ хуже, чѣмъ при баринѣ было. Вотъ за этотъ моховикъ,—онъ указалъ рукою на болото по правую сторону дороги,—куда мы выгоняемъ скотину, наша деревня платитъ ему двадцать пять рублей въ годъ и, кромѣ того, должна высылать ему на лѣтнія работы десять косцовъ и столько же жницъ на два дня. На будущій годъ онъ пригрозилъ потребовать больше денегъ, и какъ ни трудно, а нужно намъ будетъ согласиться, иначе никакъ нельзя; некуда скотину выгонять. Вотъ у этого самаго старовѣра нѣсколько мужиковъ хотѣли снять на аренду болото одно, съ тѣмъ, чтобы вырубить, высушить и пустить подъ сѣнокосъ. Такъ что бы вы думали, сколько запросилъ онъ? Пятьдесятъ рублей за это болото!... Такъ ребята и плюнули на это дѣло, да въ отместку взяли и подожгли болото-то. Теперь оно такъ чисто выгорѣло, что, почитай, на цѣлыхъ десять лѣтъ не выростетъ и травинки! А ничего не подѣлаешь,—прибавилъ онъ обычную здѣсь поговорку.

Про вышеупомянутаго старовѣра я слыхала и другія нехорошія рѣчи. Разъ онъ пріѣзжалъ за мной по поводу одного несчастнаго случая въ его домѣ, касавшагося одной изъ его постоянныхъ работницъ. Это была какая-то темная исторія, уяснить себѣ которой я не имѣла возможности, ибо какъ причастныя къ ней лица, такъ и сама усадьба не принадлежали къ моему району и я имѣла съ ними мало сношеній. На обратномъ пути со мной ѣхалъ его работникъ, который и разсказывалъ мнѣ про образъ дѣйствій своего хозяина слѣдующее:

— Самъ онъ не работаетъ, потому что слишкомъ толстый и грузный, а прижимаетъ въ сто разъ хуже бывшаго барина. Баринъ, извѣстно, много что два, три раза выйдетъ въ поле

поглядѣть на работу, а этотъ торчитъ въ полѣ цѣлый день и строго смотритъ, чтобы во время работы никто не отдыхалъ. Своихъ же годовыхъ батраковъ онъ такъ и загоняетъ; трубку же ни за что не позволитъ курить. Обѣдаемъ мы не вмѣстѣ съ хозяевами, какъ у другихъ водится, а готовятъ намъ особое кушанье и кормятъ куда какъ хуже, чѣмъ у простыхъ мужиковъ.

VII.

Въ продолженіе того времени, которое я прожила въ N—скомъ уѣздѣ, не проходило ни одного лѣта, ни одной зимы безъ какой-либо эпидеміи, уносившей каждый разъ не малое количество жертвъ. При этомъ легко было замѣтить такое явленіе, что изъ всѣхъ волостей, подлежащихъ моему вѣдѣнію, самые большіе размѣры принимаетъ эпидемія въ той волости, которая въ экономическомъ отношеніи стоитъ всѣхъ ниже, гдѣ земля каменистая, малоплодородная, гдѣ крестьяне вслѣдствіе этого живутъ чрезвычайно бѣдно и гдѣ пушной хлѣбъ представляетъ преобладающій элементъ пищи. Когда два года тому назадъ во всемъ уѣздѣ былъ абсолютный неурожай, такъ что земская управа вынуждена была выдать хлѣбную ссуду, и большинство населенія питалось ячменнымъ хлѣбомъ вмѣсто ржанаго, то ближайшею осенью въ деревняхъ возникли нѣсколько опустошительныхъ эпидемическихъ болѣзней за разъ, между тѣмъ какъ въ волостяхъ, пострадавшихъ не такъ сильно отъ неурожая, эти же самыя болѣзни сравнительно мало распространялись.

Первыми погибали болѣе слабосильные, развивавшіеся при дурныхъ условіяхъ, но главная масса жертвъ падала на сторону дѣтей. Несчастныя созданія! Чего, чего не приходится вытерпѣть крестьянскому ребенку!

У насъ составилось убѣжденіе, что крестьянскія дѣти чрезвычайно здоровы и выносливы, и то, что городскому ребенку могло бы дважды причинить смерть, для деревенскаго «какъ съ гуся вода». Въ общемъ это справедливо, но надо знать, какою цѣною покупается эта выносливость.

Для того, чтобы одинъ крестьянскій ребенокъ могъ вырасти и окрѣпнуть для борьбы съ суровой жизненной школой деревенскаго быта, сколько братьевъ и сестеръ его погибаютъ, не вынесши непосильнаго испытанія! Съ перваго же момента появленія его на свѣтъ жизнь ставитъ ему разныя затрудненія. Вмѣсто

мягкой и чистой одежды, какую требуетъ нѣжное тѣло ребенка, онъ получаетъ кучу разнаго тряпья, наваленнаго въ корзину, служащую ему постелью; вмѣсто груднаго молока въ пищу, какого онъ въ правѣ ожидать, ему даютъ соску изъ чернаго хлѣба. Послѣднее составляетъ подчасъ его главное питаніе, потому что рѣдкая женщина въ состояніи выкормить своего ребенка. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого несоотвѣтственнаго питанія, когда ребенокъ физіологически еще не способенъ переваривать никакой крахмалистой пищи, а тѣмъ болѣе грубый черный хлѣбъ, является острый желудочно-кишечный катарръ, уносящій въ могилу большинство крестьянскихъ ребятъ.

Если же дитя счастливо минуетъ этотъ первый искусъ, то ему грозятъ еще всевозможная эпидемическія болѣзни, какъ-то: оспа, корь, скарлатина и множество другихъ, дѣйствующихъ несравненно разрушительнѣе въ деревнѣ, въ виду того, что находятъ здѣсь болѣе благодатную для себя почву.

Я уже не говорю о разныхъ случайныхъ бѣдствіяхъ, какимъ онъ подвергается, находясь на попеченіи восьмилѣтней няньки или дряхлой бабушки. Можно привести безчисленное множество примѣровъ, гдѣ дѣти погибали благодаря своей безпомощности. Такъ, мнѣ разсказывали про одинъ такой случай, имѣвшій мѣсто уже въ бытность мою здѣсь. Небольшой подростокъ, исполнявшій обязанность пастуха, взялъ съ собою въ поле двухъ младшихъ дѣтей, такъ какъ мать уходила на работу, а дома никого не оставалось. Въ полѣ дѣти наткнулись на волка,—обстоятельство весьма нерѣдкое въ здѣшнихъ краяхъ,—и прежде чѣмъ на ихъ крики успѣлъ кто-нибудь прибѣжать, они были растерзаны. Другой случай относится къ одному маленькому мальчугану, 6 — 8 лѣтъ, навѣрное не помню, которому поручили отвести лошадь въ поле къ отцу. Мальчикъ сѣлъ верхомъ, но не съумѣлъ справиться съ лошадью, свалился съ нея и расшибся до смерти. А сколько бѣдъ причиняютъ эти несчастныя дѣти себѣ и другимъ! При наступленіи лѣтнихъ работъ всѣ взрослые и старшіе подростки уходятъ въ поле, предоставивъ дѣтей ихъ собственной волѣ, подъ надзоръ какой-нибудь дряхлой старухи. Сколько деревень выгорѣло, благодаря этому обстоятельству! Да, много, много бѣдъ долженъ благополучно миновать крестьянскій ребенокъ, чтобы вырасти и развернуться въ крѣпкаго и здороваго дѣтину! Часто крестьяне сами желаютъ смерти своихъ дѣтей, если семья многочисленная, а заболѣвшій еще малъ и

отъ него не скоро предвидится польза въ смыслѣ работы. Особенно же если ребенокъ слабенькій, болѣзненный, то рѣдко мать настолько привязана къ нему, чтобы употреблять всѣ средства къ его спасенію. И въ самомъ дѣлѣ, слабый, хилый ребенокъ составляетъ для матери - крестьянки настоящее мученіе. Онъ требуетъ много ухода и попеченія, съ нимъ нужно постоянно няньчиться, между тѣмъ, она иногда, несмотря на все свое желаніе, можетъ посвятить ему самое короткое время, такъ какъ работы всегда по горло какъ въ томъ случаѣ, когда она одинока, такъ и въ томъ, когда живетъ въ многочисленной семьѣ, гдѣ ко всему другому еще присоединяется бдительное око свекрови. Общее недовольство такимъ болѣзненнымъ ребенкомъ увеличивается его безпрерывнымъ крикомъ, не дающимъ спать ночью обитателямъ избы, утомленнымъ дневнымъ трудомъ. Въ такихъ случаяхъ какъ мать, такъ и вся семья открыто высказываютъ желаніе, чтобы ребенокъ скорѣе умеръ и развязалъ имъ руки.

Нужда и забота такъ глубоко проникли во все существо крестьянина, до такой степени поглощаютъ все его вниманіе, что они, повидимому, вытѣснили всѣ остальныя чувства, даже проявленіе чувства семейной привязанности. Отправнымъ пунктомъ его житейскихъ правилъ служитъ польза и выигрышъ времени. Если у крестьянина заболѣваетъ жена, то онъ сильно огорченъ не тѣмъ, что это *его жена* больна, а тѣмъ, что слегла хозяйка и работница и вся женская часть работы стала; а умри она, онъ немедленно женится на другой, хотя будь онъ искренно привязанъ къ прежней, и никто его за это осуждать не станетъ. Развѣ можно было удивляться и негодовать по поводу поступка одного крестьянина, когда у него въ прошломъ году случилось несчастіе? Заболѣла у него жена тифомъ. Были они люди молодые, жили дружно и любили очень другъ друга; дѣтей было пятеро, малъ-мала меньше, изъ которыхъ старшему было лѣтъ одиннадцать. Родныхъ у нихъ никого не было и въ деревнѣ они были совершенно чужіе, такъ что когда жена заболѣла, то рѣдко кто къ нимъ и заглядывалъ. Можетъ быть, здѣсь нѣкоторую роль играла и боязнь заразиться, такъ какъ тифъ частенько-таки посѣщалъ эту деревню. Крестьянинъ этотъ самъ долженъ былъ носить воду, стряпать обѣдъ и ухаживать за женой, а дѣло было въ самую рабочую пору. Онъ со слезами разсказывалъ мнѣ про свою бѣду, когда возилъ меня къ своей

женѣ, состояніе которой я нашла весьма плохимъ. Къ довершенію его несчастія, и дѣти всѣ, за исключеніемъ груднаго ребенка, заболѣли одинъ за другимъ тоже тифомъ. И вотъ при такомъ отчаянномъ положеніи хватитъ ли духа его осуждать за то, что онъ, несмотря на всю свою любовь къ женѣ, едва успѣлъ ее схоронить, какъ черезъ недѣлю уже сваталъ другую невѣсту? Нѣтъ времени предаваться горю и отчаянію, когда въ домѣ пять человѣкъ больныхъ дѣтей стонутъ и плачутъ, когда хлѣбъ надо убирать съ поля и справлять всѣ домашнія работы!...

Такой кажущійся недостатокъ семейной привязанности у крестьянъ, такая видимая грубость чувствъ поражаютъ человѣка лишь посторонняго, не вникавшаго во внутренніе законы, заправляющіе сложнымъ механизмомъ деревенскаго быта.

VIII.

Такъ прожила я здѣсь года три, и вотъ надняхъ, стоя въ сумеркахъ у окна и глядя, какъ желтѣющіе листья покрываютъ дорожки моего крошечнаго садика, я вспомнила, какъ на другой день послѣ моего пріѣзда сюда, возвратясь изъ моего перваго пріема больныхъ, я съ непонятнымъ для меня увлеченіемъ принялась за уборку такихъ же точно листьевъ въ моемъ садикѣ; я была тогда такъ довольна, что около моей квартиры оказался маленькій садикъ, гдѣ я могла бы въ свободное время посидѣть и даже чай пить. На слѣдующій день, заглянувши туда, я съ огорченіемъ увидала, что трудъ мой былъ напрасенъ и что дорожки покрылись снова цѣлой массой опавшихъ листьевъ.

Мнѣ пришло на память то благодушное состояніе, въ какомъ я тогда обрѣталась, та наивная радость школьника, вырвавшагося изъ душнаго класса на вольный и свѣтлый міръ. Но увы! теперь нѣтъ ужь того безотчетнаго довольства, того инстинктивнаго наслажденія жизнью!

Такой поворотъ совершился постепенно подъ натискомъ окружающихъ обстоятельствъ и неожиданныхъ столкновеній. Съ первыхъ же шаговъ моихъ по пути житейской практики мнѣ пришлось встрѣтиться лицомъ къ лицу съ дрязгами, пошлостями и невозможной путаницей въ людскихъ отношеніяхъ

Трудно, чрезвычайно трудно дѣйствовать новому человѣку, несмотря на всѣ его благія намѣренія, среди такой обстановки, гдѣ каждый смотритъ на него, какъ на пришлеца, ворвавшагося

въ чуждую ему среду, гдѣ онъ встрѣчаетъ противодѣйствіе тамъ, гдѣ надѣялся встрѣтить полную поддержку, гдѣ образъ его дѣйствій обсуждается каждымъ съ своей точки зрѣнія, гдѣ каждый его шагъ зорко наблюдается и каждый поступокъ превратно толкуется.

Горько и жутко ему дѣлается подчасъ, тѣмъ болѣе, когда онъ совершенно одинокъ и не откуда ждать ему ни поддержки, ни сочувствія. Живешь здѣсь точно въ чужестранной землѣ, гдѣ ты и обитатели говорятъ непонятнымъ другъ для друга языкомъ. Не съ кѣмъ слова перемолвить, подѣлиться впечатлѣніями, спросить совѣта или указанія!

Но это все бы еще ничего. Отправляясь на земскую службу въ деревнѣ, я знала, что нужно быть готовой къ разнаго рода непріятностямъ деревенскаго обихода. И хотя дѣйствительность превзошла мои ожиданія, я готова принять часть вины на себя. Можетъ быть, я совершила много ошибокъ и промаховъ, неизбѣжныхъ при первомъ вступленіи въ совершенно чуждую для меня область деревенскаго житья-бытья, можетъ быть, я, помимо участія моей воли и сознанія, затронула чьи-либо личные интересы и тѣмъ самымъ вызвала тайное противодѣйствіе. Во всякомъ случаѣ, какъ бы это ни было для меня тяжело, я готова была съ этимъ примириться, готова была все это выносить до поры до времени, пока люди убѣдятся въ искренности моихъ намѣреній. Но главная бѣда вовсе не въ томъ, а въ томъ, что я не чувствую уже внутренняго удовлетворенія результатами моего дѣла; я по временамъ прихожу къ убѣжденію, что дѣятельность земскаго врача можно уподобить работѣ Данаидъ. Въ самомъ дѣлѣ, что я собственно дѣлаю? Я врачую, т.-е. раздаю лѣкарства, внутреннія или наружныя, смотря по роду болѣзни. Между тѣмъ, задачи медицины заключаются вовсе не въ одномъ примѣненіи лѣкарственныхъ веществъ, а, главнымъ образомъ, въ строгомъ проведеніи всегда и вездѣ правилъ гигіены, а это-то пока еще и немыслимо по отношенію къ крестьянской средѣ. И много ли помогутъ какому-нибудь Ивану, страдающему катарромъ желудка, порошки или пилюли, когда онъ питается такими именно веществами, которыя еще усиливаютъ, если не прямо обусловливаютъ появленіе этой самой болѣзни? Много ли поможетъ мазь или примочка Марьѣ, у которой ноги покрыты язвами, если она принуждена отъ зари до зари пробыть въ полѣ на работѣ, или вязнуть чуть ли не по колѣна въ болотѣ для обдиранія лыка (глав-

ное весеннее занятіе мѣстныхъ крестьянокъ)? Наконецъ, какого успѣха можно ожидать отъ леченія больныхъ глазъ у Прасковьи, когда она продолжаетъ жить въ курной избѣ и работать при свѣтѣ лучины, дымъ которыхъ дѣйствуетъ разъѣдающимъ образомъ и на здоровые глаза?

И нисколько не удивляешься, когда эти самые Иваны, Марьи и Прасковьи придутъ черезъ нѣкоторое время и заявятъ, что «пользы» нѣтъ. И если болѣзнь запущенная, то улучшенія не наступитъ, пока не возьмешь больнаго въ больницу и не продержишь его нѣсколько мѣсяцевъ. Но каковъ же конечный результатъ? Очутившись въ прежнихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, многіе изъ этихъ паціентовъ черезъ нѣкоторое время приходятъ съ рецидивомъ болѣзни. Иначе и быть не можетъ. Причины возникновенія многихъ болѣзней коренятся въ самыхъ условіяхъ крестьянской жизни, а такъ какъ послѣднія не устранимы, то и страданія неизбѣжно представляютъ крайне упорный характеръ.

Но гдѣ всего разительнѣе проявляется безсиліе врача, такъ это при появленіи какой-либо эпидемической болѣзни. При той системѣ организаціи медицинской помощи, какая существуетъ въ земствѣ въ настоящее время, весьма трудно сколько-нибудь успѣшно бороться съ этимъ страшнымъ бѣдствіемъ. Обыкновенно, медицинскій участокъ, находящійся въ вѣдѣніи врача, такъ великъ, что отъ одного конца до другаго бываетъ 50 верстъ и болѣе; въ большинствѣ земствъ на цѣлый уѣздъ имѣется не болѣе двухъ-трехъ врачей. При такомъ обширномъ участкѣ врачъ не имѣетъ возможности объѣзжать всѣ подвѣдомственныя ему деревни и часто случается, что въ какомъ-либо отдаленномъ углу появится эпидемія и успѣетъ принять значительные размѣры, прежде чѣмъ врачъ узнаетъ объ этомъ. Съ другой стороны, какъ онъ можетъ совмѣстить ежедневное посѣщеніе деревень, зараженныхъ болѣзнью, съ исполненіемъ своихъ врачебныхъ обязанностей по остальному своему участку, когда ему приходится на 2—3 дня отлучаться изъ мѣста своего жительства въ другіе выѣздные пункты? Большею частью земскія собранія вовсе не предусматриваютъ случая появленія эпидеміи въ уѣздѣ и не вносятъ въ смѣту извѣстной суммы на непредвидѣнные расходы. Вслѣдствіе этого возникаетъ переписка между врачемъ и земской управой о присылкѣ медицинскаго персонала, о принятіи необходимыхъ мѣръ и тому подобномъ, а пока все

будетъ устроено, эпидемія можетъ достигнуть полнаго развитія. Сколько врачу приходится въ такихъ случаяхъ бороться съ разными предразсудками и невѣжествомъ крестьянъ, какихъ раздирающихъ душу картинъ приходится ему быть свидѣтелемъ! Описывать все это я не стану, потому что оно завело бы меня слишкомъ далеко; скажу только одно, что когда, при видѣ такихъ картинъ, врачъ сознаетъ, что въ состояніи предложить лишь одни палліативныя средства, онъ подчасъ самъ не радъ своей профессіи.

Безъ сомнѣнія, деревенская практика представляетъ и не мало отрадныхъ явленій, гдѣ польза, оказанная врачемъ, очевидна для всѣхъ и гдѣ послѣдній имѣетъ полное право гордиться своимъ званіемъ,—когда онъ, напримѣръ, въ случаѣ какого-либо остраго заболѣванія, надлежащимъ пособіемъ можетъ сократить продолжительность болѣзни или, по крайней мѣрѣ, уменьшить страданія и ускорить выздоровленіе. Или что можетъ быть пріятнѣе для врача, когда своевременнымъ наложеніемъ повязки на сломанную руку или ногу онъ возвратитъ черезъ одинъ-два мѣсяца семьѣ работника, который въ противномъ случаѣ остался бы на всю жизнь калѣкой, какихъ намъ не мало оставило въ наслѣдство доброе старое время, когда крестьяне въ подобныхъ несчастіяхъ могли обратиться лишь къ своимъ деревенскимъ знахаркамъ и костоправамъ?

Не могу безъ пріятнаго чувства вспомнить одинъ фактъ, гдѣ торжество медицинской науки было такъ убѣдительно, такъ наглядно, что, я въ томъ увѣрена, надолго запечатлѣлось въ памяти крестьянъ, тѣмъ болѣе, что происходило при многочисленной публикѣ.

Въ одинъ лѣтній вечеръ ко мнѣ пріѣхали гости изъ сосѣдней усадьбы, нѣсколько разъ бывавшіе у меня передъ тѣмъ, но все не застававшіе меня дома. Едва они успѣли войти и усѣсться, какъ къ моему дому подъѣхала таратайка и сидѣвшій въ ней крестьянинъ быстро вошелъ въ комнату. Онъ сказалъ, что у нихъ въ деревнѣ одинъ крестьянинъ опился и умираетъ. Заѣхавъ въ аптеку и взявъ все необходимое, мы отправились и дорогой я разспрашивала его о подробностяхъ случившагося. Дѣло произошло такъ: былъ у нихъ второй день храмоваго праздника, а потому питье и веселье въ полномъ разгарѣ. Крестьянина, о которомъ идетъ разсказъ, еще утромъ видѣли лежащимъ въ канавѣ, но полагали спящимъ. Когда къ вечеру его жена хва-

тилась его, то онъ былъ уже безъ чувствъ. Тутъ вся деревня вмѣстѣ съ пришедшими гостями принялись его качать на простыняхъ и растирать за ушами, но все было тщетно и опившійся не проявлялъ никакихъ признаковъ жизни. Тогда рѣшено было послать за врачемъ. Деревня была въ 12-ти верстахъ и крестьянинъ гналъ лошадь во весь духъ. Уже издали я замѣтила избу, гдѣ былъ больной, по множеству народа, толкавшагося около нея.

Внутри изба тоже была полна народу, а на полу среди избы лежалъ неподвижно больной крестьянинъ и надъ нимъ рыдала его жена. Она бросилась мнѣ въ ноги, умоляя спасти отца ея пятерыхъ малыхъ ребятъ. Послѣ многихъ и продолжительныхъ усилій съ моей стороны дыханіе у больнаго, наконецъ, возвратилось, сдѣлалось правильнымъ и онъ, не открывая глазъ, началъ произносить безсмысленныя слова, въ которыхъ явно выражалось неудовольствіе противъ совершаемыхъ надъ нимъ манипуляцій. Когда я убѣдилась, что все въ порядкѣ и онъ, не приходя въ себя, впалъ въ глубокій сонъ, я велѣла всѣмъ удалиться и оставить его въ покоѣ. Большаго труда стоило мнѣ успокоить голосившую женщину и увѣрить ее, что опасность прошла, что онъ теперь спитъ и когда выспится, то будетъ совсѣмъ здоровъ; она все боялась, что онъ уже не проснется. Всѣ же присутствовавшіе вполнѣ убѣдились, что больной впалъ въ спокойный сонъ и начали шутить и острить на его счетъ. Поздно ночью возвратилась я домой и, хотя сильно устала, но чувствовала такое удовольствіе, какое едва ли до сихъ поръ приходилось испытывать. На третій день этотъ самый крестьянинъ пришелъ благодарить меня и принесъ мнѣ десятокъ яицъ въ подарокъ.

И несмотря на всѣ разочарованія, ошибки, непріятности и трудности, связанныя съ жизнью и дѣятельностью земскаго врача, мысль оставить эту неприглядную деревню и уйти въ городъ никогда не приходитъ мнѣ въ голову, по крайней мѣрѣ, не представляется мнѣ какъ пріятная и желательная перспектива. Если меня инстинктивно влекло въ деревню даже тогда, когда я еще не имѣла объ ней никакого понятія, то теперь, когда я хоть немного, но, все-таки, уже лично познакомилась съ деревенскими горестями и радостями, съ нуждами и потребностями деревни и деревенскаго люда, желаніе жить въ деревнѣ, поближе вникнуть въ ея задачи и стремленія и по мѣрѣ своихъ силъ служить ей не только не убавилось, но, напротивъ, окрѣпло, сдѣлалось сознательнѣе.

Даже по отношенію къ моему настоящему мѣсту, если бы пришлось по какимъ-либо обстоятельствамъ оставить его, то, несмотря на всевозможныя внѣшнія неудобства, несмотря на всѣ нравственныя непріятности, какія мнѣ приходится здѣсь испытывать, я уѣхала бы отсюда лишь съ величайшимъ сожалѣніемъ.

Д. И—ва.